

Почувствовав притяжение чакры, она увидела призрака: ближайшее к Гозен-сану дерево потянулось к ней, чтобы обнять со смертельным намерением, а тело Сакуры обрело иллюзию невидимости. Это была старая иллюзия, почти традиционная, правда, популярная среди Коноха-нин, потому что использовала их родную среду. Она требовала больше чакры, чем ей нравилось - сложная, постоянно меняющаяся маскировочная иллюзия, которая была компонентом "невидимости", сильно истощала силы, но это было связано с техникой. Ей показалось, что получилось неплохо: линии призрака были твердыми и прочными, исполнение - безупречным, но Гозен-сан лишь фыркнула и протянула руку, разгоняя иллюзию, как воду. И в тот же миг она исчезла.

"Иди сюда, девочка", - сказал Гозен-сан, подзывая ее к себе. С некоторым трепетом Сакура сделала то, что ей было велено. "Твоя рука", - нетерпеливо сказал Гозен-сан, когда она подошла к ней. Озадаченная, Сакура протянула ее. Сильные пальцы, твердые и костлявые, схватили ее за запястье и, прежде чем она успела удивленно расширить глаза, с такой силой цапнули руку Сакуры по коре дерева, что на жгучей коже выступили капельки крови.

"Эти консервированные иллюзии", - с отвращением сказал Гозен-сан. "Они делают тебя ленивым. Ты делаешь какие-то знаки и веришь, что все детали останутся при тебе. Это не похоже на то вызывающее гендзюцу, которое ты предпочитаешь. Они проникают в сознание жертвы и вырывают нужный образ; они предоставляют все детали, а ты просто даешь указания и чакру. Призывные гендзюцу - это все детали. Я уже говорил тебе об этом, но, похоже, до тебя не дошло. Если я не ощущаю, как кора колет одежду и кожу, когда ветви смыкаются, не слышу скрипа и стоны дерева при движении, не чувствую запаха коры и лишайника, если давление ощущается как плоская железная полоса, а не как закругленная конечность, значит, ты делаешь это неправильно", - категорично заявила она.

"Вы не имеете дело с иллюзиями, - продолжил Гозен-сан, не отпуская руку Сакуры и оставляя капли медленно высыхать. "Мир познается через органы чувств; все, что мы знаем о мире, - это восприятие. Ты должна сделать его реальным. Ты не продаешь мечты своей цели, ты меняешь ее мир. Вплоть до кусочков коры, оставленных в царапине".

Она подчеркнула свою мысль, проведя большим пальцем по покрасневшей коже Сакуры, отчего та вздрогнула. "Нужно создать ситуацию, в которой не поверить в гендзюцу - значит не поверить всем своим чувствам. Тебе снились кошмары столько, сколько я тебя знаю. Неужели трудно сказать себе, что это всего лишь сон, пока ты его проживаешь? Но ты должен делать это лучше. Разум обманывает себя, пока видит сны. Он знает, какие детали ему нужны, но у вас не будет такого преимущества, когда вы будете применять гендзюцу на ком-то другом. Люди отдадут предпочтение зрению, но это не единственное, что имеет значение.

"При достаточном количестве чакры вы можете преодолеть недостатки гендзюцу, но оно уродливо. Под тобой. Любой, у кого достаточно чакры, может это сделать, как бить кого-то дубиной по голове, пока он не согласится с тобой, что небо зеленое. Ты слишком слаб для этого с точки зрения чакры; слишком опытен для этого с точки зрения потенциала. Их пути - не ваши. Ты не можешь воспроизвести огонь, просто глядя на него; если тебе нужно сто раз обжечь руку, чтобы по-настоящему ощутить его, то так и сделай. Ты понимаешь?" Сакура слабо кивнула. "А теперь попробуй еще раз".

Гозен-сан был бесконечно критичен и был склонен прерывать сосредоточенность Сакуры, обращая ее собственное гендзюцу против нее и давая ей по зубам. Гозен только презирал ее за то, что она использует иллюзии, не понимая, как они создаются, - так, как большинство шиноби используют гендзюцу. Без этих базовых знаний они не могли их модифицировать, не говоря уже о том, чтобы создавать их свободно, как это делал Гозен-сан.

Дело было не в том, что Сакура не обладала этими знаниями. У Сакуры была отличная теоретическая база, подкрепленная основательным медицинским пониманием того, как и почему гендзюцу подают ложные сигналы в мозг. Но создавать новые дзюцу? Этому не учили в Академии и этого не ожидали от кунина. Тем более что Гозен-сан, похоже, намекал, что при правильной технике все вызывающие гендзюцу едины.

Не одно дзюцу для муравьев, другое для пауков, третье для огня - просто одна, в конечном счете гибкая техника, позволяющая проецировать кошмары, ограниченные только воображением. Хотя, признавала она, иметь дюжину-другую сценариев, которые ты настолько хорошо запомнил, что они стали инстинктивными, было полезно. И для каждого вызывающего гендзюцу требовалась своя техника.

Хотя, как заметил Гозен-сан, не только кошмары могут быть полезны, даже если они ей больше всего нравятся. Спокойствие. Радость. Желание. Всем этим можно манипулировать, извращать, чтобы оно служило какой-то цели, и впервые Сакура подумала, что хорошо, что Гозен-сан имеет дело со страхом. Мысль о том, что ей придется столкнуться с иллюзиями, призванными вызывать желание на каждом шагу...

Ну, пауки с их щелкающими мандибулами и волосатыми лапками были хоть чем-то предпочтительнее.

Но все остальное - зов знакомого голоса, аромат летнего дня, ощущение дома - все это могло стать маленькими, смертельно опасными отвлекающими факторами.

Она работала с маген: Дзюбаку Сацу, разбивая его на составные части, пока не осталась лишь иллюзорное дерево. Сакура попробовала работать с ним как с призраком и обнаружила, что оно слишком неосознано; консультация с Гозен-саном подтвердила, что, да, можно обратить гендзюцу на себя. Ей не понравился благосклонный взгляд, которым сопровождался ответ, но не прошло и нескольких минут, как она поняла, что гендзюцу - это самое настоящее лекарство. Можно было видеть что угодно, чувствовать что угодно, быть кем угодно, лишь бы чакра держалась.

Сакура хотела овладеть им, поэтому часами прижимала одну ладонь к настоящему дереву, а другую - к его зеркалу. И так продолжалось до тех пор, пока только ее память и напряжение чакры не стали единственными индикаторами того, что было оригиналом.

Это был лишь первый кусочек бесконечной головоломки, мир превратился в место, которое нужно было не просто пережить, а кропотливо запомнить. Как и обещал Гозен-сан, вещи, которых она боялась, приходили легче всего, почти отпечатываясь в памяти, когда она

сжимала одну руку и пыталась удержать другую от дрожи, позволяя тварям с большим количеством ног и ядовитых желез ползать по ее спине. Вместо того чтобы просто игнорировать боль, перебарывая ее, она тщательно запоминала ощущение пореза, мучительность ожога, боль от удара.

Другие, более приятные вещи приобретали новую интенсивность, поскольку она не просто фиксировала мимолетные впечатления, а задерживалась на них, пока не узнавала точную текстуру лепестка, ощущение шелка, запах домашней еды. Она кропотливо составляла сценарии, пока не могла вызвать их с помощью одних только знаков и минутного внимания. А один из друзей Гозен-сана - он жил через два дома, у него был сад, полный лилий, и шкаф, полный скелетов, как у всех бывших АНБУ, - познакомил ее со своим сыном, специалистом по T&I. Именно от него она узнала все, что нужно знать о вызывающем гендзюцу, вытаскивающем из глубин подсознания врага как сокровенные, так и страшные воспоминания.

Прошло больше года, прежде чем она стала достаточно уверена в своей коллекции, чтобы назвать ее техникой. Гозен-сан ни разу не раскрыла, как она называет свои техники, а Сакура никогда ничего не называла. Ни ножам, ни кошке.

Но она называла это Канашибари - тот ужасный момент, когда, проснувшись от кошмара, обнаруживаешь себя парализованным, не способным ни двигаться, ни говорить.

<http://tl.rulate.ru/book/100569/3441089>